

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 330.8

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ШЛЕЙФ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
(часть 2)*Khubiev K. A.**Doctor of Economics, Professor,
M. V. Lomonosov Moscow State University**Хубиев К. А.**доктор экономических наук, профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: в статье ставится вопрос об ответственности экономической науки за теоретическое и идеологическое сопровождение экономической политики. В период экономических реформ 90-х годов прошлого века политическая экономия была отстранена из образовательного пространства и нормативной функции. Ответственность за экономическую политику перешла на неоклассическую экономическую теорию и прежде всего на ее течение в виде неoinституциональной экономической теории. По истечении тридцати лет радикальных экономических реформ в России стали очевидны ее провальные результаты. Они выразились в длительной стагнации, технологическом отставании, структурных деформациях. Россия безвозвратно потеряла историческое время в технологическом и экономическом развитии. Основное внимание уделено неoinституциональной экономической теории как наиболее нормативно активному потоку неоклассики, влияющему на экономическую политику. Ее несостоятельность в претензиях на доминирование в нормативной области доказывается ее «предметным проклятием» за пределами экономической теории. Доказывается, что под все определения институтов кроме норм и правил подпадают технологии, деньги, экономические законы. Институциональная парадигма в объективных экономических законах находит твердое предметное основание, что служит базой комплементарного объединения двух основных течений экономической теории. Соответственно усилятся и функции экономической науки. Объединение усилий и научного аппарата двух течений открывают возможность для системного исследования, о чем в последние годы мечтал родоначальник неoinституциональной теории Р. Коуз.

Ключевые слова: неоклассическая экономическая теория, институты, неoinституциональная экономическая теория, политическая экономия, экономические законы, технологии, транзакционные издержки, чистые издержки обращения.

Выше было доказано, что основное «приобретение» новой институциональной экономической теории (НИЭТ) в виде транзакционных издержек

(ТИ/ТРАИ) не может быть отнесено к заслугам данного направления в качестве теоретического открытия¹.

Размытость и недостаточная

¹ В авторской редакции текущий раздел имеет подзаголовок «Достижения». Продолжение. Начало см. Региональный экономический журнал №2, 2024

определенность предмета осознается и самими представителями НИЭТ. Например, Д. Ходжсон отмечает, что Уильямсон не смог дать определения ТИ и считает, что оно еще нуждается в определении. Размытость базового понятия вынуждает перейти к перечислительному методу (перечислению факторов и признаков экономических событий, имеющих отношение к анализу ТИ), а также к другим приемам. Например, используется аналогия «трения». Ходжсон считает аналогию уходом от выработки экономической дефиниции и отмечает недостаточную аналитичность [2]. Преодолением этого затруднения считается категория транзакционных отношений. Это своего рода визитная карточка НИЭТ. Более того, «...транзакция есть базовая единица анализа...» [13, с. 52].

В самом деле ТИ – это определенно экономическая категория, снимающая ее подозрения в «предметном паразитизме». С этим можно согласиться, но являются ли ТИ открытием НИЭТ? Для начала рассмотрим ее содержание. Ее содержание тоже не отличается достаточной четкостью. Уильямсон утверждает, что понятие ввел Эрроу и определил ее содержание как «затраты на управление экономической системой» [13 с. 53]. Сам Уильямсон для объяснения содержания данной категории обращался к физической аналогии и считал, что ТИ есть экономический эквивалент трения в механических системах.

Мы считаем важным методологическое положение Уильямсона о природе ТИ. «Транзакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от

заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смежного с первым» [13, с. 27]. Однако существуют и альтернативные точки зрения. А.Е. Шаститко приводит определение Дж. Коммонса, на которое опирается сам, «транзакции – это не обмен товарами, а отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом» [18, с. 221].

При кажущейся альтернативности разных подходов, открытый список перечислительной методологии позволяет поглотить разные подходы и превратить их в комплементарные элементы. Например, после анализа разных подходов и классификации ТИ, А. Е. Шаститко пишет: «Если торговая транзакция – присвоение одних прав посредством отчуждения других, то обмен предполагает сделку в физическом выражении, то есть перемещение благ, значимость которых выражается в ценности прав на них. Например, фьючерсные сделки – это наиболее чистый пример торговой транзакции в отличие от обмена...» [18, с. 221]².

Итак: есть обмен как взаимно-встречный и симметричный процесс отчуждения-присвоения физически осязаемых благ. Надо полагать, что сюда относятся и деньги. Вопрос: происходит ли при этом обмен правами на эти блага? Мы считаем, что да. Продавец, как владелец денег имеет на них права, а покупатель получает права на оплаченный товар. И это независимо от того, заключался ли при этом договор купли-продажи. Теперь речь идет об обмене правами без перемещения благ. Здесь следует строго разобраться с тем, что

² В этом обсуждении внимание привлекает фраза «обмен свободами». Понятие это введено, по нашему мнению для того, чтобы отношения наемного труда и капитала поместить в прокрустово

ложе обыкновенных транзакций, т. е. сделок. Даже на первый взгляд это не выглядит новым и оригинальным. История экономической мысли изобилует примерами сведения основного отношения капитализма к простой товарной сделке (транзакции)

именно перемещается между субъектами. Во-первых: возможна ситуация, благо продано с отсрочкой платежа. Очевидно, здесь требуется составление договора как формы гарантии. Можно говорить о продолжительности отсрочки и о компенсационной цене отсроченного платежа. Но здесь не нарушаются принципы эквивалентности и проблем обмена не возникает. Второй случай с фьючерсом. Здесь надо определить, что отчуждают стороны в процессе заключения договора, какие дополнительные издержки несут, то есть надо детализировать и определить компенсационные инструменты, чтобы обеспечить принцип эквивалентности. Но в последнее время появилось положение о том, что отношение найма есть обмен правами и свободами. То есть под понятие сделки (транзакции) подводится отношение найма. Суть найма – это обмен, а предмет обмена права и свободы. Это такой же прием как подвести отношение капитала к разновидности товарного отношения. Методологически – это подвести сложное отношение под простое на основании общности формы.

Но как в одном, так и в другом случае затушевывается вопрос об эквивалентности процесса присвоения-отчуждения. На глубинной основе вопроса о том, кто чем обменивается, лежит методология соотношения товара и капитала. В этом состоит не увядшая еще актуальность исследования превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения.

Можно признать практический смысл и значение как научных разработок в области детализации транзакционных издержек, так и их прикладное значение. Но считать это научным открытием неoinституциональной теории нельзя. Их содержание

состоит в издержках по сопровождению транзакций: ведение переговоров, согласование цен, условий поставок и т. п. Но это все парафраз теории чистых издержек обращения, разработанных Марксом задолго до возникновения неoinституционализма. Только у Маркса она разработана значительно глубже методологически. НИЭТ использует метод причислений действий по сопровождению сделок (транзакций), фактически подразумевая обмен. У Маркса заложена идея превращения (метаморфоз) форм капитала из товарной в денежную. За метаморфозом тянется шлейф и пласт теории кругооборота капитала и форм капитала (денежный, товарный, производительный) и соответственно персонификация капиталистов. При этом не отрицается детализация этого процесса в рамках НИЭТ и связанные с этим практические и прикладные работы. Но претензии на теоретические приоритеты некорректны. Тогда и вопрос об основных достижениях этой теории проблематичен.

Существенные различия в содержательной трактовке ТИ, отсутствие методологии системного исследования, вторичная приоритетность не позволяет отнести эту категорию к достижениям к достижениям НИЭТ.

Представители чикагской школы считают движение экономической науки в сторону права, социологии, образования, здравоохранения, демографии и политики самым важным достижением в 1960–90-е годы. Коуз скептически относится к успеху экономистов на сопредельных полях, поскольку главным в междисциплинарном разграничении социальных наук считает предмет исследования и ту специфическую группу вопросов, которая провоцирует изучение самого предмета.

Империалистические чаяния экономистов чужды Коузу. Во-первых, проблемы самой экономической науки далеки от разрешения или разрешены неудовлетворительно. Во-вторых, в долгосрочном плане экономистам трудно конкурировать с теми, кто знает свой предмет, по существу, и в деталях. Сами математические методы могут быть освоены политологами, социологами и представителями других наук.

Нормативно-прикладное значение

Следующим этапом анализа НИЭТ является ее нормативно прикладное значение. Здесь должны быть определены рамки уровня претензий и возможностей. Из прикладной функции теории следует ее продуктивность. В области нормативной функции науки в последние десятилетия институционализм получил неожиданную и не вполне обоснованную популярность. На наш взгляд, это отчасти объясняется достаточно универсальным и легким отношением к решению сложных проблем, в том числе и в области системных социально-экономических трансформаций. Универсальность состоит в том, что если возникают проблемы (любого уровня), они объясняются наличием «плохих» институтов, их решение предлагается созданием «хороших» институтов. Относительная легкость решения проблем объясняется правовой

природой институтов, для изменения которых следует соответствующим органом принять правовые нормы и административные механизмы их исполнения. Правовой природой и «бумажным» характером институтов определяется относительная легкость и универсальность решения сложных проблем, этим же объясняется и необоснованная популярность данного направления. Но потенциал практической эффективности данного подхода ограничен предметом и методом, что требует фундаментального анализа. В нормативно-прикладной части основное внимание будет уделено преобразованиям на уровне системной организации экономики и ее системной трансформации³.

Как уже определено выше, предмет НИЭТ образует вторжение в область иных наук, сопряженных с экономикой, особенно в область правовых отношений. В этой связи и сами практические рекомендации охватывают именно эту область. Исходя из базового понимания институтов как правил и механизма их поддержания, создание институтов означало принятие нормативных документов законодательной властью и их поддержание исполнительной властью. Это достаточно легко реализуемый вариант решения возникающих проблем в экономике. При этом остается еще и главный вопрос об

³ В зарубежной литературе институциональным изменениям специально посвящена работа Д.Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». Перевод с английского А.Н. Нестеренко Предисловие и научное редактирование Б.З. Мильнера Фонд экономической книги «НАЧАЛА» МОСКВА 1997. В отечественной литературе можно отметить книгу В. Тамбовцева «Экономическая теория институциональных изменений». - М.: ТЕИС, 2005. - 542 с. Разделы, посвященные институциональным изменениям содержатся в ряде работ отечественных и зарубежных авторов: Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной

экономической теории. Перевод с английского М.Я. Каждана. Научный редактор перевода В. И. Маевский, академик РАН, доктор экономических наук. Москва. Издательство «Дело» 2003, с. 11-12.; Шаститко А.Е. «Новая институциональная экономическая теория». - 4-е издание. М. ТЕИС 2010; Институциональная экономика.: Учеб. пособие. \Под рук. академика Д. С. Львова. – М. ИНФРА-М, 2001, - 318; Институциональный анализ и экономика России. Учебник. Изд. 2-е, проработанное и дополненное. Под редакцией профессора В.Т. Рязанова. Экономика 2013- 503 с. и др.

эффективности подобных решений. Можно создать нормативный документ, даже целый комплекс. Например, закон о приватизации и целый комплекс сопровождающих его документов. Можно методически прописать процедуру ее проведения. Далее, в структурах исполнительной власти можно создать специальные органы типа Госкомимущества.

Значит ли это уместность и эффективность данного мероприятия (системы прописанных мероприятий), если даже наукой и практикой определена необходимость преобразований собственности? Сам по себе предмет и метод НИЭТ не содержит научного потенциала эффективного решения проблемы. Поэтому на ее научной базе только случайно может быть выбрано эффективное решение. Если даже нормативным мероприятиям будет предшествовать работа по определению путей эффективного решения возникшей проблемы, работы эти теоретически и методологически могут исходить из оснований других наук: неоклассической экономической теории (НКЭТ) или политической экономии (ПЭ) как основных течений экономической теории. В рамках первой можно опереться на маргинальный метод максимизации полезности проводимых преобразований, в рамках второго направления – на требования объективных экономических законов. Есть и пресечение двух направлений по требованиям и критериям эффективности преобразований. Требования НКЭТ о том, чтобы высвобожденные в результате преобразований ресурсы по альтернативному использованию обладали эффективностью не ниже прежнего варианта их аллокации. Это же требование политическая экономия выражает несколько иначе: устаревшие экономические отношения сковывают развитие

производительных сил и требуют преобразований, которое введением новых отношений обеспечивают более производительное использование ресурсов. Это два разных выражения одного и того же критерия: более высокой производительности труда или более эффективного использования ресурсов. Этот общий универсальный критерий содержится во всех подходах к преобразованию институтов.

Драматический результат преобразований 90-х годов является практическим свидетельством того, что у преобразований, даже назревших и необходимых, путь к эффективным преобразованиям непрост. И не все науки, претендующие на научное сопровождение таких преобразований, имеют для этого соответствующие основания. НИЭТ его не имеет по причине «предметного проклятия». А маргинальный критерий НКЭТ математически безупречен, но он очень абстрактен и не содержит потенциала прохождения пути от абстрактного к конкретному. Политическая экономия содержит теоретическое и методологическое основание для преодоления отмеченных недостатков, но тоже не гарантирует простого решения. В частности, она не содержит детально прописанной технологии переходных форм при преобразовании экономических отношений, особенно фундаментального типа. Довольно хорошо разработанная методология восхождения от абстрактного к конкретному применительно к экономической системе, но этот важный методологический принцип не разработан применительно к отдельным отношениям и их эволюции. И все же оба основных течения (НКЭТ и ПЭ) экономической науки содержат основы движения к практически эффективному результату. И в том, и в другом случае преобразованиям должен

предшествовать тщательный перебор вариантов движения к более высокой эффективности с возможным альтернативным исходом. Для выражения эффективного варианта преобразований введем понятие уместность. Если даже преобразования назрели, необходим выбор эффективного метода, сроков и способов их проведения. В соответствии с ними выбранный вариант преобразований не должен вести к ухудшению использования ресурсов и благосостояния людей. Он не обязательно может быть единственным, идеальным и полностью соответствовать маргинальному критерию максимизации. Выбор такого варианта очень сложен в силу отсутствия универсального научно обоснованного алгоритма конкретных действий по этапам, методам, скорости преобразований. Однако для поиска путей имеется общий критерий и ориентир. По этим требованиям спешка и радикальность не могут быть отнесены к рекомендуемому выбору. Примером могут служить меры по приватизации в Англии, стране классического капитализма, и в Китае, стране, проводившей рыночные реформы на основе экономики планового типа. В том и другом случае эффективность мероприятий по приватизации доказана практикой. Другой случай в России. Ее результат может быть оценен по критериям антиэффективности.

Радикальные преобразования в России в период 90-х годов имели своим результатом исторически беспрецедентно катастрофические последствия. По спаду производства Россия превзошла Великую депрессию, но ей еще не придумано достойное прилагательное. ВВП к 1998 году составил около 50 % по отношению к 90-му году, инвестиции сократились на 80%, население сократилось более чем на 10 млн чел. Это

не результат стихийных бедствий, а исключительно рукотворный процесс и результат универсально легкого подхода к системным преобразованиям сменой «плохих» институтов на «хорошие». У российского опыта есть свои персоналии, своя идеология, свое научное сопровождение. Политическая экономия была изолирована от этих судьбоносных процессов, особенно на уровне ее нормативной функции. В фаворе была неоклассика и неоинституционализм как ее течение. У этого направления не нашлось никаких средств предостережения от катастрофических последствий принятого курса и проводимых мероприятий. Результаты российских преобразований могут служить ярким примером полной дискредитации науки. Если бы в рамках неоклассики немного раньше была признана новая теория человеческого поведения в лице Р. Таллера, Нобелевского лауреата 2017 года, там нашёлся бы потенциал сигнальных огней для предостережения. Один из эффектов в рамках теории человеческого поведения состоит в разделении и оценке результатов наделенной и приобретенной собственности. Наделённая (бесплатная) собственность неэффективна по сравнению с приобретенной (заработанной). Для понимания этого эффекта у политической экономии было основание в виде принципа трудовой теории стоимости и трудовой основы собственности. Но политическая экономия не только не была допущена к обоснованию радикальной реформы, она была изолирована снятием из системы образования.

Неоклассическая теория в ее «классическом» виде не содержит теории переходов и преобразований экономических систем, отношений, структур. «Переварив» институционализм, превратив его в

сателлит и свою составную часть, НКЭТ получила раздел, который дополнил этот недостаток. Но НИЭТ предметно охватывает лишь пограничный слой собственно экономических отношений интенсивно переходя в область неэкономических отношений. По этой причине ее нормативные функции не обладают надежностью научного уровня. Можно законодательно перераспределить права и установить новые права, создать структуры исполнительной власти для их внедрения. То есть будут созданы институты по всем канонам их определения в рамках НИЭТ. Но при этом не будет надежных оснований их эффективного результата.

Пример с приватизацией мы приводили. Ее катастрофические результаты известны. Без должного анализа ее результатов предлагается «вторая волна» приватизации. Подобные решения в начале 90-х можно было списать на неведение, отсутствие теории и опыта. Но теперь уже при наличии богатого горького опыта страным выглядит желание повторного наступления на те же грабли, с очевидными результатами. Главным результатом приватизации 90-х годов явилось создание класса олигархов, более значимые результаты не обнаружались. Новая волна приватизации, породит новую волну того же класса олигархов. Более очевидные результаты, отражающие национальные интересы не обнаруживаются. Они не могут быть обнаружены без специальных исследований экономической системы в нынешнем ее переходном состоянии. Идеологическим обоснованием и сопровождением как первой, так и второй волны приватизации является НКЭТ с абсолютизацией частной собственности и свободного рынка. Теоретико-методическим и инструментальным

дополнением является НИЭТ, которая тоже исповедует идеи свободного рынка и частной собственности, но на более детально-инструментальном уровне.

Научным и практическим результатом взаимодействия НИЭТ и НКЭТ оказалась их комплементарная диспозиция, хотя первая выходила на научную арену с упреками в беспредметности и бессубъектности второй. Это довольно тяжелые обвинения, но борьбы не получилось, поскольку НИЭТ не удалось выработать свою методологию. Очевидно, это общая закономерность для конкурирующих теорий: побеждает та, которая имеет более самодостаточную и более глубоко разработанную методологию. НИЭТ расширила предмет для применения маржинальной методологии и явилась для НКЭТ комплементарным, а не альтернативным потоком. Кстати, НИЭТ внесла тем самым свой вклад в расширение пространства экономического империализма. При этом возникает вопрос: хорошо это или плохо для НКЭТ, укрепляет или размывает основы теории расширение ее предметного пространства, в том числе и вторжением в предмет других наук. Этот вопрос еще остается предметом особого обсуждения.

У институционализма есть потенциал развития в другом направлении, если опереться на положение отца-основателя Р. Коуза о насыщении бестелесной экономики социально-экономически конкретизирующими субъектами экономики с их целями и интересами. Тогда теоретический анализ обогатится категориями: собственность – отчуждение, экономическая власть – экономическая зависимость, экономическая свобода, экономическое равенство и т.д. Тогда и вопрос об экономических преобразованиях приобретет фундаментальные ориентиры и цели.

В заключении следует сделать практический вывод. НИЭТ довольно детально проникла в структуру сделок. Сделки в узком смысле охватывают перемещение прав на блага между уже сложившимися субъектами правовых отношений. Сделки в широком смысле охватывают диспозиционные изменения в субъектах и соответствующую рекомбинацию ресурсов между новыми субъектами. Понятием институты поглощаются все изменения. Для институционального подхода диспозиционные изменения субъектов представляют собой изменения прав в большем или меньшем объеме. Качественные изменения в отношениях между субъектами погашаются количеством набора прав. Олигарх от фермера, рабочий от капиталиста отличаются только количеством набора прав. Основания, по которым один стал олигархом в одном поколении и в одно десятилетие, а другой – крестьянин и фермер во многих поколениях остается крестьянином, остается за пределами институционального подхода. То же самое относится и к другим субъектам. Соответственно, с позиций институционализма первая и вторая волна приватизации – это техническое и количественное перераспределение прав. Позиция очень выгодная для абсолютизации частной собственности. Отсюда вырастет класс капиталистов с верхней прослойкой в виде олигархов. Интересы государства, общенациональные интересы или интересы определенных слоев общественного большинства намеренно остаются в тени.

Комплементарный характер взаимодействия институционализма с политической экономией позволит исследовать экономическую систему с учетом ее

внутренней социально-экономической структуры, что позволит конкретизировать цели и интересы, включая индивидуальные, коллективные, корпоративные, национальные, государственные. Тогда и преобразования, включая приватизацию, получат основу фундаментального анализа.

Соотношение теорий

Вторая половина XX века обогатила экономическую науку направлением, получившим название НИЭТ. Его появление и развитие соответствует некоторым закономерностям развития науки. Научное знание привлекает внимание по мере своего внутреннего развития и претензий на внешнее влияние. Возникновение внутренней и внешней критики — это скорее достоинство, свидетельствующее о зрелости, нежели о недостатке новой отрасли научного знания. Эта логика проявилась и на судьбе неоклассической экономической теории. В период своей зрелости она привлекала к себе возрастающее внимание, вследствие чего появилась внутренняя и внешняя критика, в том числе и с возникновением альтернативных течений и систем. Но судьба у альтернативных течений разная. Некоторые сходят с научной сцены, не выдержав конкуренции, другим удастся вытеснить альтернативные теории, заняв их место. Третьи, начав свой путь в качестве альтернативы, повращались в сателлитов или даже струйно вливались в основное течение. В данном случае нас больше всего интересует третий случай, в который, как нам представляется, укладывается судьба кейнсианства и неoinституционализма.

Вспомним, что кейнсианство возникло первоначально с претензией на фундаментальную альтернативу⁴. Но в

⁴ «Сам Кейнс обладал весьма счастливой способностью видеть направление исторического развития и

не против был намекнуть, что история по существу развивается по Кейнсу» [15].

дальнейшем кейнсианство превратилось в сателлит неоклассики, а затем в струю основного течения, хотя и мощную. То же самое произошло и с институционализмом. «Вебленовский» институционализм возник как альтернатива НКЭТ, но далее это течение, с приставкой нео-, тоже было увлечено основным потоком неоклассики.

Какова логика этих превращений в судьбах развивающихся теорий? Если научное течение, претендующее на альтернативное, не выработало свою самостоятельную методологию, то ее основная цель едва ли может быть достигнута. Кейнс создал элементы своей методологии, но он не оторвался от пуповины методологии маржинального анализа. Кейнс следовал основному неоклассическому принципу предельного анализа, а это твердое ядро неоклассики. Он обосновал свой методологический подход, назвав его «экономическим образом мышления», но не оторвался от неоклассической методологической пуповины. И этим судьба его теории была предопределена. Сперва она стала сателлитом неоклассики, затем последовал неоклассический синтез с введением основ микроэкономики, а с введением элементов психологии, поведенческой теории возникла угроза размывания основ самого течения. Методологическая зависимость – это одна сторона эволюции теории, претендующей на альтернативность, но есть еще и субъективная сторона, исходящая от последователей и интерпретаторов. В этом отношении показательна судьба наследия Адама Смита. Неоклассика взяла от Смита на вооружение идею свободного рынка и роли государства как «ночного сторожа». Но главное у Смита – это основы трудовой теории стоимости, которая базировалась на

трудовой основе собственности. Эти фундаментальные положения замалчиваются, при широкой пропаганде менее значимых в научном отношении положений.

То же самое происходило и с теорией Кейнса, и с институционализмом. Родоначальником неoinституциональной теории считается Нобелевский лауреат Р. Коуз. Он, как и Кейнс, выступил с фундаментальной критикой неоклассической теории. Но, как и в случае со Смитом, основное внимание последователи Коуза обращают на положения, более второстепенные, нежели главные. Например, на характеристику неоклассики как «экономической теории классной доски», где основным недостаток теории усматривается в недостатке эмпирической базы. Коуз не раз подчеркивал, что экономисты исследуют кровообращение в бесплотном теле, оперируют концепцией рационального выбора, лишенной содержания; сконцентрировали внимание лишь на абстрактно понятых рыночных отношениях равновесного характера; умозрительных схемах, которые можно прекрасно использовать в виде графиков и диаграмм, но которые не дают реального знания о действующей экономической системе.

Главное направление критики Коуза – это бессубъектность экономической теории, отсутствие реального знания об экономической системе. Он настаивает на том, чтобы объектом экономического анализа были люди с их интересами. Основное пожелание Коуза можно сформулировать как социально-экономическая определенность лиц, участвующих в экономическом процессе.

Реагируя на критику и пожелания, последователи Коуза наделили участников экономики правами, причем, в основном

юридическими. Отсюда выросло и определение институтов и предмета нового направления, рассмотренное нами выше.

Системность

В юбилейном сборнике «Природа фирмы», посвященном 50-летию выхода в свет его работы под аналогичным названием, Р. Коуз, после широкого признания его идей, пишет: «Я сплю и вижу, как способствовать завершению того, что начал примерно 55 лет назад, и принять участие в развитии такой универсальной теории» [8, с. 110]. Мечты знаменитого ученого с широким признанием его заслуг многое значат. Под универсальной теорией он имел в виду ее системность. К системному подходу Р. Коуз часто обращался, переосмысливая свои работы через полвека. Так, обращаясь к вертикальной интеграции, как «одной из главных проблем теории промышленной организации», он прямо пишет: «Мне, однако представляется что мы продвинемся гораздо дальше, если будем исследовать проблему вертикальной интеграции в контексте более универсальной теоретической схемы» и замечает, что такой теории пока нет [8, с. 110]. Обращаясь к взаимному влиянию различных видов деятельности фирм, Р. Коуз отмечает: «Необходима теоретическая схема, которая привела бы все эти факторы в согласованную теоретическую систему» [8, с. 101]. Приведенные цитаты и ряд других высказываний свидетельствуют о том, что Коуз мечтал о методе, который бы позволил более объемно (системно) охватить исследуемую область. Его преследовала эта мысль настолько, что он даже ссылается на сновидения. Системообразующий подход к теории Коуз выражает в разнообразных формах. Особенно любопытен заключительный фрагмент статьи в указанном сборнике. Отталкиваясь от образа

формирования галактик из первичной материи, он считает, что «...институциональная структура производства возникает под влиянием сил, формирующих взаимосвязи между трансакционными издержками и организационными издержками. Эти связи исключительно сложны, они, как я говорил, охватывают и практику ценообразования, и контрактные отношения, и организационные формы». Прибавляя необходимость подключения к анализу права, он заключает: «Именно теоретическая схема, охватывающая эти взаимные связи, сделают, по моему убеждению, подход в «Природе фирмы» операциональным [8, с. 110].

Возьмем на себя смелость заявить, что переход к системному уровню исследования институциональной организации был своего рода мечтой или даже завещанием Р. Коуза. Определенным вариантом или этапом на этом пути является, по нашему мнению, воспроизводственный подход К. Маркса, на котором мы подробно остановились выше. Конечно, это не исключает других вариантов системного подхода. Но в науке не принято умалчивать уже выполненную работу в обсуждаемом направлении. Так же не принято наделять направление научной мысли незаслуженными достижениями, которые оборачиваются необоснованными претензиями на свою значимость, особенно в области нормативной функции. Пример российских реформ свидетельствует о последствиях подобных опытов. Учитывая, что движение истории и развитие науки продолжатся, констатация фактов соответствия теории и методологии претензиям на изменение экономического мироздания и даже изменения на микроэкономическом уровне должны соответствовать уровню предметной определенности, методологической самодостаточности,

разработанному теоретическому арсеналу. В этом направлении полезно использовать комплементарность междисциплинарного подхода.

А теоретическое объединение политико-экономического и институционального подходов способно комплементарно продвинуть экономическую науку и обогатить ее функции. Такое объединение научно напрашивается тем, что экономические законы включают в себя все требования институтов и признаки институтов и помогают преодолеть «юридическое проклятие» и обрести свое предметное пространство. С другой стороны, политическая экономия обретает подробное описание организационной технологии

функционирования экономических отношений и сделок. Обогащается и нормативная функция науки. Опора на объективные экономические законы предотвратит склонность к решению проблем исторической важности легковесным подходом и смене «плохих» институтов на «хорошие», имея в виду, что и те и другие представляют собой «бумажные» институты, расположены на уровне правовых отношений и на уровне индивидуального выбора по мотивам индивидуальных решений. В свою очередь, нормативные решения, ориентированные на экономические законы, получают скрупулёзные описания технологий функционирования экономических отношений и их трансформаций.

Список источников

1. Веблен Торстейн. Теория делового предприятия. Пер. с англ. - М: Дело 2007.-288 с.
2. Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. Перевод с английского М.Я. Каждана. Научный редактор перевода В. И. Маевский, академик РАН, доктор экономических наук. Москва. Издательство «Дело» 2003, с. 11-12.
3. Ефимов В. Анти-Аузан: критика одной социальной философии Часть 1. ЕСО [Интернет]. 3 сентябрь 2020 г. [цитируется по 13 ноябрь 2022 г.];50(9):62-89. доступно на: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4107>. Ефимов В. Анти-Аузан: критика одной социальной философии Часть 2. ЕСО [Интернет]. 2 октябрь 2020 г. [цитируется по 13 ноябрь 2022 г.];50(10):168-92. доступно на: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4133>
4. Институциональная экономика.: Учеб. пособие / Под рук. академика Д. С. Львова. – М. ИНФРА-М, 2001, - 318;
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. Учебник / Под общей ред. д.э.н. А. А. Аузана. М, ИНФРА – М, 2005, 416 с.
6. Институциональный анализ и экономика России. Учебник. Изд. 2-е, проработанное и дополненное. Под редакцией профессора В.Т. Рязанова. М, Экономика, 2013, 503 с. и др.
7. Капелюшников Р. Неонституционализм // Отечественные записки № 6 (21) 2004 <https://magazines.gorky.media/oz/2004/6/neoinstitucionalizm.html>
8. Коуз Р. Природа фирмы. Под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы». М., Дело, 2001, 360 с.
9. Маркс Карл. Капитал том 3, часть 1. М., ИПЛ, 1975
10. Маркс Карл. Капитал том 1. М., ИПЛ, 1973
11. Московский А. И., Филатов И. В. Общая экономическая теория: Вводный курс. Гл. 15.

М.: Кодекс, 2010. 306 с.

12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 21

13. Оливер И. Уильямсон. Экономические институты капитализма. С-Пб., Лениздат. 1996

14. Попов Е. В. Институты. Екатеринбург. 2015. С. 90

15. Селигмен Б. «Основные течения современной экономической мысли» М., Издательство Прогресс, 1968, 494 с.

16. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория институциональных изменений. М.: ТЕИС, 2005, 542 с.

17. Теория Фирмы / Под ред. М. В. Гальперина. СПб. Экономическая школа, вып. 2, 1995, 554 с.

18. Шаститко А. Е. «Новая институциональная экономическая теория» 4-е издание. М. ТЕИС, 2010

19. Эггертссон Траунин. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001, 408 с.